Георгий Александрович Велигорский (Georgy Alexandrovich Veligorsky)*

О людях, гусях и свиньях: рецепция «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н. В. Гоголя в рассказе Гектора Хью Манро (Саки) «Кровная вражда в Тоуд-Уотер»

Of People, Geese, and Pigs: The Reception of N. V. Gogol's "The Tale of How Ivan Ivanovich Quarreled with Ivan Nikiforovich" in Hector Hugh Munro's (Saki) Short Story *The Blood-Feud at Toad Water*

https://doi.org/10.1515/cjss-2026-0005
Received March 6, 2026; accepted May 17, 2026; published online June 30, 2026

Аннотация: В статье анализируется глубокое осмысление сочинения Н. В. Гоголя «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (1835) в творчестве британского писателя Гектора Хью Манро, творившего под псевдонимом Саки, прежде всего – в его рассказе «Кровная вражда в Тоуд-Уотер» ("The Blood-Feud at Toad Water", 1901), действие которого разворачивается в пространстве захолустной усадьбы. Основная задача исследования – показать, как писатель переосмысливает, «препарирует» гоголевский сюжет, примеряя его к английским традициям, какие аспекты он усиливает, какие, напротив, редуцирует или устраняет вовсе. Выявлены многочисленные сюжетные и стилистические параллели: абсурдный повод для вражды (порча имущества животными – курицей у Саки и гусаком у Гоголя); расположение домов героев «забор в забор»; образ огня как символа неугасимого раздора;

***Corresponding author: Георгий Александрович Велигорский (Georgy Alexandrovich Veligorsky)**, Научная лабораторияRossica: русская литература в мировом культурном контексте", Институт мировой литературы РАН, Москва, Россия (Research Laboratory "Rossica: Russian Literature in the Global Cultural Context", Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), E-mail: screamer90@mail.ru. https://orcid.org/0000-0003-4316-4630

Open Access. © 2026 the author(s), published by De Gruyter and FLTRP on behalf of BFSU. CC BY This work is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License.

неудачная попытка примирения за трапезой (чаепитие у Саки, обед у Гоголя); образ «скучного» пейзажа, перекликающийся с финалом гоголевского «Миргорода». Особое внимание уделено критике христианского лицемерия: оба писателя обличают мнимую набожность героев, их неспособность к прощению, причем Саки иронически обыгрывает библейские сюжеты и англиканские обряды. Гоголевский текст становится призмой, позволяющей точнее понять гуманистический, хотя и пессимистический, замысел Саки, его интерес к «маленькому человеку» и критику «теплохладности». Таким образом, статья демонстрирует, как «русская тема» обогатила английскую юмористику начала XX века.

Ключевые слова: Гектор Хью Манро; Н. В. Гоголь; перевод; адаптация; юмор; гуманизм

Abstract: This article analyzes the reception – or rather, the profound and multifaceted understanding – of N. V. Gogol's "The Tale of How Ivan Ivanovich Quarreled with Ivan Nikiforovich" (1835) in the work of the British writer Hector Hugh Munro, who wrote under the pseudonym Saki. This reception is primarily evident in his short story *The Blood-Feud at Toad Water* (1901), the action of which takes place in the space of a remote estate. The primary goal of the study is to demonstrate how the writer reinterprets and "dissects" Gogol's plot, adapting it to English traditions, and to show which aspects he enhances and which, on the contrary, he reduces or eliminates entirely, based on his aims as well as the form and genre of the work. Numerous plot and stylistic parallels are revealed: an absurd reason for feud (damage to property by animals – a chicken in Saki and a goose in Gogol); the location of the characters' houses "fence to fence"; the image of fire as a symbol of unquenchable discord; an unsuccessful attempt at reconciliation over a meal (Saki's tea party, Gogol's dinner); the image of a "boring" landscape, echoing the ending of Gogol's "Mirgorod". Particular attention is paid to the critique of Christian hypocrisy: both writers expose the characters' ostensible piety and their inability to forgive, with Saki ironically playing with biblical stories and Anglican rites. Gogol's text becomes a prism that allows us to more accurately understand Saki's humanistic, albeit pessimistic, intentions, his interest in the "little man", and his criticism of "lukewarmness". Thus, the article demonstrates how the "Russian theme" enriched English humor of the early 20th century.

Keywords: Hector Hugh Munro; N. V. Gogol; translation; adaptation; humor; humanism

1 Введение. История «русомании» в Англии

Начиная с 1880-х годов в английской литературе наблюдается процесс, который Ребекка Бизли справедливо называет «русоманией», или «русской лихорадкой» (см.: Beasley 2020), – оттепель в русско-британских отношениях, весьма непростых на протяжении XIX века. Интерес обитателей островного королевства к восточному соседу, многолетнему недругу, в этот период видится не простым увлечением, любопытством к иностранной культуре, но процессом глубокого межкультурного обмена.

По завершении заключительного этапа наполеоновских войн, известного в русской историографии как Отечественная война (1812–1815 гг.), а в западной – как Русская кампания, отношения между Великобританией и Россией, временными союзницами, быстро начинают охладевать. Вступление России в Священный союз (1815 г.) и подписание Лондонской конвенции (1829 г.), ставившей целью ослабить влияние Российской империи на Балканах, способствовали растущему отторжению. Последующие события 1830-х годов (подавление восстания в Польше [1831 г.], вызвавшее волну антироссийских настроений в Европе; «дело Виксена» [1836 г.] и т. д.), упрочили взаимную неприязнь, перешедшую впоследствии в фазу открытой вражды, особенно в годы Крымской войны (1853–1856 гг.) и войн в Афганистане, в ходе так называемой «Большой игры» (1839–1842, 1878–1880 гг.). В эти годы Россия если и фигурирует в британских произведениях, то исключительно в негативном ключе,[1] а русские авторы, хотя и переводятся на английский язык, не вызывают у публики существенного интереса.

Однако к 1880-м годам ситуация постепенно меняется. Несмотря на продолжающееся соперничество на мировой арене, британская публика с интересом обращается к культуре многолетнего недруга. В английской литературе начинается процесс, который Ребекка Бизли справедливо называет «русоманией», или «русской лихорадкой» (см.: Beasley 2020), вызванный оттепелью в русско-британских отношениях, весьма непростых на протяжении XIX века. Интерес обитателей островного королевства к восточному соседу, многолетнему недругу, в этот период видится не простым увлечением, любопытством к иностранной культуре, но процессом глубокого межкультурного обмена.

Немалую роль в этой «оттепели» сыграли русские эмигранты (в частности – нигилисты и анархисты, бежавшие от российского правосудия и организовавшие в Лондоне печатни и периодические издания); растущая

1 См. об этом нашу статью: Велигорский (2020).

популярность великих русских прозаиков, таких как И. С. Тургенев (в 1879 году удостоенного степени honoris causa в Оксфордском университете), Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой; деятельность «народников» с их интересом и сочувствием к жизни русских крестьян, и проч.[2] В этот период русская литература уже не воспринимается как чужеродная, экзотическая или пропагандистски-враждебная, но начинает играть «важную роль в британской литературной политике» (Beasley 2020, 40). Появляется множество монографий, посвященных российской словесности. Среди них – труды Чарлза Тернера «Исследования в сфере русской литературы» (“Studies in Russian Literature”, 1882) и «Современные русские романисты» (“The Modern Novelists of Russia”, 1890), монография Уильяма Морфилла «Славянская литература» (“Slavonic Literature”, 1883) и проч.[3] Эти публикации, вкупе с массово издаваемыми в тот период переводами И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, В. М. Гаршина и проч., серьезно простимулируют интерес, с которым русскую культуру уже в 1910-х годах воспримут писатели-модернисты (В. Вулф, Э. М. Форстер, Л. Стрейчи и др.). В программной статье «Варвары» (“The Barbarians”, 1915) британская писательница и суфражистка Ребекка Уэст (1892–1983) рассуждала на этот счет:

> Россия для наших молодых интеллектуалов стала тем же, чем была для викторианцев Италия; и, как они в воображении, руководимом Тернером и супругами Браунинг, мечтали об осыпающихся роскошных дворцах Рима и Венеции, так и мы сегодня думаем об этой равнине – об этой бурой земле, испещренной там и тут островками нежно-зеленой травы и иссера-голубыми заплатами подталого снега, заключенной, словно в чашу с покатистыми краями, в непрерываемый окоем, – этой равнине, что зовется Россия (West 1915, 20).

Приблизительно в то же время, в 1890-х годах, внимание британских читателей начинает привлекать иностранный, экзотический – и в том числе русский – юмор. Интерес этот имел несколько причин. Прежде всего, ему способствовала полемика о «новом юморе» (new humour), которая началась с публикации повести Джерома К. Джерома «Трое в одной лодке, не считая собаки» (“Three Men in a Boat [to Say Nothing of the Dog]”, 1889) и очерков Барри Пейна «Канадская плоскодонка» (“In a Canadain Canoe”, 1891) и «Девять Муз минус одна» (“Nine Muses Minus One”, 1893). Активный участник полемики, писатель и литературный критик Эндрю Лэнг (1844–1912) с тревогой писал о непонятном ему «новом смехе», построенном на синтаксических вывертах и

2 Подробный обзор этой темы см. в изд.: Malia (1999).

3 Активно читаются в Англии и французские сочинения – «Великие русские писатели XIX века» (“Les Grands maîtres de la littérature russe au dix-neuvième siècle”, 1885) Э. Дюпуи, «Русский роман» (“Le roman russe”) Э.-М. де Вогюэ и проч. Обзор литературы с. в изд.: Beasley 2020, 27ff.

несмешном бытовом абсурде; говорил о необходимости возврата к гуманистической традиции, заложенной Рабле, Стерном и Диккенсом. Программная статья Лэнга «О новом юморе» (“On the New Humour”, 1891), содержавшая резкую критику Пейна, стала вехой в становлении поздневикторианского гуманизма – с его интересом к простому человеку (предтече модернистского «всякого человека», “everyman”), – отразившегося в творчестве таких писателей, как сам упомянутый Джером К. Джером, а также Б. Шоу, Т. Харди, С. Батлер, К. Грэм и проч.

Важную роль в популяризации русской юмористики в этот период сыграла публикация книги Этель Лилиан Войнич (1864–1960) «Юмор России» (“Humour of Russia”, 1895) с предисловием философа-нигилиста, революционера-народника С. М. Степняка-Кравчинского (1851–1895), в 1878 году бежавшего из России и обосновавшегося в Лондоне. В книгу вошли переводы из Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Г. И. Успенского, В. М. Гаршина и ряда других писателей. Гоголь был представлен в ней двумя текстами – комедией «Женитьба» (“Marriage”) и повестью «Записки сумасшедшего» (“Diary of a Madman” – букв.: «Дневник безумца»).

В предисловии Степняк-Кравчинский писал:

> С той самой поры, когда русская словесность впервые заявила о себе и обрела достойное имя, у нас всегда были отменные юмористы; иные из них, такие как Гоголь и Щедрин, принадлежали к числу людей, одаряющих нас божественным смехом, – людей, которых нечасто встретишь среди населяющих землю племен» (Stepniak 1895, x).

Гоголю в этом кратком обзоре было уделено две страницы – существенно больше, чем прочим писателям. Кравчинский упоминает и другие его сочинения, не вошедшие в том, такие как «Мертвые души» и «Ревизор», отмечая, что «персонажи Гоголя – по крайней мере, некоторые из них – так же понятны и близки английскому читателю, как мистер Макобер и миссис Никльби понятны и близки читателю русскому» (Stepniak 1895, xi). О Гоголе он писал, что это «не только самый великий, но и самый постижимый из русских юмористов»: «Его юмор – глубокий, но при этом он облечен в ту художественную форму, которая подчас обретает, по сути, международный характер» (Stepniak 1895, xi).

В 1886 году в нью-йоркском издательстве Томаса Кроуэлла, поддерживавшего активные контакты с Великобританией, выходит сборник произведений Гоголя «“Канун Святого Иоанна” и другие истории» (“‘St. John’s Eve’ and Other Stories”). Он включает осуществленные Изабеллой Флоренс Хэпгуд (1851–1928) переводы сочинений из циклов «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород» и «Петербургские повести». Кроме заглавной повести

«Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала» в издание вошло предисловие к «Вечерам на хуторе близ Диканьки», озаглавленное просто как “Introduction”, а также повести «Старосветские помещики» (“Old-Fashioned Farmers”), «Как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (“The Tale of How Ivan Ivanovitch Quarreled with Ivan Nikiforovitch”), «Портрет» (“The Portrait”) и «Шинель» (“The Cloak”). Все тексты, включенные в этот том, публиковались на английском языке впервые.

Переводческие техники Хэпгуд уже многократно анализировались в русскоязычном литературоведении. Она точно и добросовестно передавала авторский текст, уделяла большое внимание поиску англоязычных эквивалентов, но недостаточно заботилась о стилистике, отчего часто сглаживала текст или опускала важные для автора коннотации (см.: Учаева 2011; Шолохова 2023). «Описательность» как принцип перевода приводила к тому, что названия блюд превращались буквально в рецепты: так, слово «варенуха» у нее передано как “berry brandy, made of berries, brandy, honey and spices” («ягодный бренди, делается из ягод, бренди, меда и приправ»), а книш – как “cake baked with butter or grease” («запеченная булочка с маслом или топленым салом») и проч. (см.: Шакарикова 2020). Следы этой техники встречаем и в переводе «Повести…»; так, описание бекеши Ивана Иванович как «синей с морозом» передано как “blue-black with silver lights” – «сине-черная с серебряными переливами» (Gogol 1886, 101). Другие реалии переводчица дает транслитерацией, приводя к ним краткие подстраничные комментарии (бекеша – “bekesha” и пояснение: “short shooting coat” [p. 101] – «охотничья куртка»), или же подыскивает краткий эквивалент: «смушки» – “lambskin” («кожа барашка») (Gogol 1886, 102).

Публикация Войнич–Кравчинского привлекает внимание английской публики к Гоголю – причем не только юмористу, но и мастеру малой прозы. Не проходит она и мимо исследователей. В 1885 году американский журналист Эдмунд Нобл (1853–1937), тесно общавшийся со Степняком-Кравчинским и, вероятно, знакомый с его творческими планами (а возможно, и с рукописью будущей книги), в труде «Русский мятеж: его причины, текущее состояние, перспективы» (“The Russian Revolt: Its Causes, Condition, and Prospects”) пишет о «жалких стремлениях и мизерных интересах таких персонажей, как Иван Иванович и Иван Никефорович [*sic*!], затеявших вековечную тяжбу из-за старого ружья» (Noble 1885, 236). В 1897 году в серии «Лекции Лоуэлла» (Lowell Lectures) выходит собрание очерков князя С. М. Волконского (1860–1937) «Картины из русской истории и русской литературы» (“Pictures of Russian History and Russian Literature”), в которой, в числе прочего, речь идет о юморе, писательской технике и ключевых идеях Гоголя. Повести Гоголя, по мнению кн. Волконского, «живописны, но при этом полны мелких ежедневных штришков или

эпических картин человеческого страдания» (Wolkonsky 1898, 224). В качестве примера первых Волконский называет «Старосветских помещиков» и «Повесть о том, как поссорились…», в качестве примера вторых – «Тараса Бульбу».

Как видим, творчество Гоголю в описываемое время на слуху у англоязычной публики; он все прочнее входит в круг чтения английских писателей и активно ими осмысливается. Одним из авторов, обратившихся к гоголевскому сюжету, стал британский сатирик и юморист Гектор Хью Манро (1870–1916), более известный под псевдонимом «Саки» (Saki).

2 Саки и Россия

В 1910 году Саки – уже значимая фигура в английской юмористике – публикует в издательстве “Methuen & Co.” сборник «“Реджинальд в России” и другие наброски» (“‘Reginald in Russia’ and Other Sketches”).[4] В сборник вошли пятнадцать текстов, печатавшихся в журнальной периодике с 1901 по 1909 год – главным образом в «Вестминстерском журнале» (“Westminster Magazine”), постоянным сотрудником которого был Саки, а также “Журнале Ленстерского полка (“The Journal of the Leinster Regiment”).

Тексты, включенные писателем в этот сборник, отличаются жанровым разнообразием. Среди них эссе («Те, кто не покупает»), политический фельетон («Младотурки»), сказка («Святой и гоблин»), одноактная пьеса – или «пьеска» (“playlet”), как определяет ее сам Саки («Чертова дюжина»). Коллизии рассказов также варьируются: здесь и ситуационные комедии («Молчание леди Энн», «Ягдташ», «Мышь»), и фантастические истории («Габриэль-Эрнест»), и даже лирические зарисовки-медитации («Джадкин-посыльный»). Сборник привлек внимание современников, получил высокие оценки в прессе и неоднократно переиздавался на протяжении 1920-х годов.

Название заглавного рассказа – «Реджинальд в России» – в известном смысле задает тон всей книге Саки. Хотя «русская тема» представлена непосредственно лишь в этом рассказе (действие происходит в петербургской гостиной, присутствуют реалии, топонимы и исторические деятели тогдашней России), а также в рассказе «Ягдташ» (“The Bag”), где фигурирует русский князь Владимир и упоминается сказка «Жар-птица», – однако исподволь русский, «скифский», «варварский» мир присутствует почти во всех текстах сборника. В рассказе «Душа Лаплошки» (“The Soul of Laploshka”) действует

4 Характерна авторская автодефиниция своих произведений как набросков – чего-то краткого и, возможно, не обладающего полнотой.

одноименный персонаж, имя которого имеет явно славянскую этимологию. В рассказах «Токи моря житейского» (“Cross Currents”), «Поражение младотурков» (“A Young Turkish Catastrophe”), «Пропавший санджак» (“The Lost Sanjak”) и «Джадкин-посыльный» (“Judkin of Parcels”) изображается восточный, непостижимый мир с его манящими, таинственными, неясными англичанам традициями. И, как мы покажем далее, в число этих текстов может быть включена «Кровная вражда в Тоуд-Уотер» (“The Blood-Feud at Toad Water”) – едва ли не самый «английский», на первый взгляд, рассказ в сборнике.

Жизнь Г. Х. Манро-Саки на протяжении многих лет была тесно связана с Россией. В 1904–1907 годах он живет в Петербурге; будучи корреспондентом газеты “Morning Post”, откликается на текущие события (в частности, известна его статья «Вчера в России был черный день» – о расстреле демонстрации 9 января 1905 года, известном как «Кровавое воскресенье»). Однако и до этой поездки Манро привлекает русская культура и история. Незадолго до начала работы над «Кровной враждой…» (впервые опубликованной в «Вестминстерском журнале» в 1901 году) он публикует «Возвышение Российской империи» (“The Rise of the Russian Empire”, 1900) – единственный свой «серьезный» труд, изложение российской истории от древнейших времен до Петра Великого. Любопытно, что в качестве эпиграфа к этому труду он поместил афоризм (на французском языке) о. П. О. Пирлинга (1840–1922), русского католического священника немецкого происхождения: «Тщетна надежда узнать современную Россию, не восходя глубже в ее историю» (Пирлинг 1892, xvi). Очевидно, Манро считал, что его исторические штудии могут помочь англоязычному читателю лучше понять роль России на международной арене в начале XX века.

Сестра писателя, Этель Манро, вспоминала, что ее брат свободно говорил по-русски, хотя и высказывала сомнение, что он много читал на этом языке.[5] Она замечала: «Думаю, любимым чтением Саки были исторические труды, “Золотое путешествие в Самарканд” [Джеймса Элроя] Флекера, русские книги (Russian books), повести о вервольфах, все хоть сколько-нибудь причудливое» (письмо от 2 сентября 1952 года; цит. по: Spears 1963, 120).

О влиянии собственно Гоголя на творчество Саки неоднократно писали британские исследователи. В частности, Джордж Джеймс Спирс, автор первой диссертации о творчестве и юморе Г. Х. Манро, отмечал: «И все же у Саки есть одно качество, роднящее его с великими писателями: это личное постоянство, особый уклон ума, характерный для одного лишь Саки, как другие уклоны характерны для Марвелла, или Пруста, или Гоголя» (Spears 1963, 34). По

5 См.: Spears (1963, 62).

замечанию Бернарда Э. Долда, «в рассказах Саки ощутим привкус Гоголя, Лескова и даже Зощенко (который, безусловно, творил позже, но имеет с ним сходство, ведь оба они, и Саки, и Зощенко, очевидно, произросли [derived] из более ранней русской литературы) (Dold 1972, 27). В исследовании «Критическое обозрение малой прозы» Фрэнка Нортена Мэгилла Гоголь и Э. А. По названы «самыми ярко-показательными (demonstrable)» представителями той великой традиции “short story” (то есть новеллы, рассказа или короткой повести), к которой принадлежал и Саки – причем последний упомянут именно как автор сборника «Реджинальд в России» (Magill 1981, 238). В монографии «Читая Саки: художественная проза Г. Х. Манро» Брайан Гибсон перечисляет широкий круг авторов, повлиявших на творчество Саки: «от Диккенса, Кэрролла, Бенсона, Киплинга и Харди до Свифта, Гоголя, Ницше, Дарвина и Гиббона» (Gibson 2014, 9). Все эти утверждения авторитетных исследователей Саки, а также факт его глубокого интереса к русской литературой, на наш взгляд, позволяют говорить не о типологическом, но о крайне вероятном прямом влиянии Гоголя на Саки, о чем и пойдет речь далее в тексте.

Неоднократно отмечалось, что на поэтику Гоголя повлияли Г. Филдинг и Л. Стерн[6] – авторы, которым отчасти «наследовал» и Саки.[7] Известно и влияние на раннего Гоголя творчества американского писателя Вашингтона Ирвинга (1783–1859): к примеру, коллизию его повести «Легенда о Сонной лощине» (“The Legend of Sleepy Hollow”, 1820) Гоголь обыгрывает в незаконченной повести «Страшный кабан» (1830). Повлиял этот автор и на Саки: герой рассказа «Габриэль-Эрнест» – явный оммаж на Рипа Ван Винкля из одноименного рассказа В. Ирвинга (“Rip Van Winkle”, 1819). Есть переклички с Ирвингом и в «Кровной вражде…»: к примеру, в образе уничтоженных курицей, воскресших и вновь зачахших побегов лука: «<…> дали всходы, покрасовались во всей своей пышности и сгинули без следа (have arisen, have flourished, have gone their way)» (Saki 1987, 59) – можно увидеть реминисценцию к описанию Альгамбры в одноименной книге Ирвинга (“The Alhambra”, 1832): «<…> азиатский дворец среди готических строений Запада – прекрасный памятник доблестному, разумному, вежливому народу который нагрянул, владычествовал, процветал, исчез (conquered, ruled, flourished, and passed away)» (Irving 1871, 88).

Безусловно, «Кровная вражда в Тоуд-Уотер» не может рассматриваться как простое переосмысление гоголевского сюжета на английском усадебном

6 См., напр.: Денисов (2013, 490–1).

7 О влиянии «Истории Тома Джонса» на поэтику сборника «Реджинальд» см.: Spears (1963, 20). О стернианском коде в творчестве Саки (в частности, в контексте темы смерти и «вдохновляющей бренности») см.: Rushdoony (2020).

материале. Саки привнес в свое произведение много биографических черт. Действие в рассказе разворачивается в графстве Девоншир на юго-западе Англии. Это места, где писатель провел детство. Дом его бабушки, вилла Бродгейт (Broadgate Villa) в Пилтоне, находился возле Барнстепла (Северный Девон);[8] затем, в 1888 году, когда отец вышел в отставку, семья арендовала большой старый дом под названием Хинтон-Корт, находившийся близ устья реки То (Taw), в четырех милях от Барнстепла и тетушек.[9] Однако в заглавии Саки называет не конкретное графство, но «западный край» – возможно, тем самым выводя описанный в рассказе конфликт на общеанглийский (а в пределе – общечеловеческий) уровень.

Сестра писателя Этель, в свою очередь, сообщает, что основные факты истории подлинны: их поведал семейству Манро местный приходской священник, когда они жили в Девоне.[10] Не исключено, что свою роль сыграли и собственные детские наблюдения писателя: между двумя сестрами, его тетками, тоже существовали вражда и жгучая ненависть.[11]

Не был текст Гоголя для Саки и единственным литературным источником. В диссертации Генри Отто высказано мнение, что в данном рассказе, местами напоминающем эпическую поэму в прозе, пародируется стиль и высмеивается тематика романов известного поздневикторианского писателя Томаса Харди (1840–1928), который родился на юго-западе Англии и описывал те места в своем творчестве.[12] Саки и впоследствии не раз описывал ситуацию, когда сонное английское сельское поместье становилось местом драмы.[13]

---

8 См.: Byrne (2007, 3).

9 См.: Byrne (2007, 52).

10 См.: Munro (1924, 31).

11 См.: Munro (1924, 6).

12 См.: Otto (1969, 84–5).

13 Поселившийся в деревне бывший путешественник Том Кериуэй, эпизодический персонаж его романа «Невыносимый Бассингтон» (“The Unbearable Bassington”, 1912), произносит на эту тему показательный монолог (гл. VIII): «С тех пор как я живу здесь, я удостоверился в том, о чем всегда подозревал: сельский фермерский дом, отделенный от большого мира и находящийся внутри мира собственного, представляет собой один из самых замечательных объектов для исследования переплетающихся событий и трагедий, какой только можно себе представить. Происходящее в нем похоже на события из старых хроник средневековой Европы, описывающих те времена, когда существовала своего рода упорядоченная анархия в отношениях между феодалами и сюзеренами, а также бургграфами, увенчанными митрою аббатами, князьями-епископами, баронами-разбойниками, торговыми гильдиями, курфюрстами и так далее – все борются и соперничают между собой, противодействуют заговорам и мешают друг другу, поступая в соответствии с каким-то абстрактным сводом широко применяемых правил» (Saki 1994, 232–3).

Еще один возможный источник сюжета отмечает упоминавшийся Дж. Дж. Спирс: «“Кровная вражда в Тоуд-Уотер” – это история “размолвки ad absurdum”, в ней высмеиваются серьезные последствия, нередко произрастающие из банальных причин. <…> К сожалению, Саки обращается здесь к сюжету, который Сэмюэл Лэнгхорн Клеменс [Марк Твен. – *Г. В.*] уже мастерски обыграл в “Гекельбери Финне”, – и в итоге проигрывает: ведь [размолвка] миссис Сондерс и миссис Крик не идет ни в какое сравнение с [враждой между] Грейнджфордами и Шепердсонами» (Spears 1963, 27).

Однако при всех оговорках несомненно, что в этом произведении Саки – как и в некоторых других текстах сборника «Реджинальд в России» – заметен именно гоголевский след.

Несмотря на то, что имя «Реджинальд» вынесено в название сборника, этот персонаж в нем почти что не фигурирует. Постоянный герой (вернее, антигерой) первой книги рассказов Саки – щеголь, циник и резонер, жестоко и зло смеющийся над современным обществом, – выступает здесь лишь в одном рассказе; однако его язвительный тон, социальный пессимизм и ехидную зоркость как будто перенимает повествователь. В книге «Реджинальд в России» на первый план, наравне с ситуационной комедией и сатирой, выходят гуманистические установки; главная из них – любовь к чудакам, погнавшимся за мечтой, к неудачникам, мечтателям и «маленьким людям». Таковы персонажи рассказов «Душа Лаплошки», «Святой и гоблин», «Токи моря житейского» и особенно – «Джадкин-посыльный». Образ «дорожного скитальца», смиренного «человека в мешковатом <…> костюме», для которого «вино неожиданно выплеснулось из чаши жизни, и он пытался высосать хоть что-то из осадка, который более благоразумные просто выбрасывают» (Saki 1987, 63), – рассмотренный в гоголевском ключе, неизбежно приводит на память Акакия Акакиевича Башмачкина. (Напомним, что перевод «Шинели» замыкал сборник, подготовленный И. Хэпгуд.) Саки, подобно Гоголю, относится к своему персонажу с симпатией и горькой иронией, сочувствуя ему – и удивляясь его смиренномудрию: «Его судьба казалась мне ужасной и несправедливой, однако же, когда мы встретились на дороге, у него на лице читалось выражение усталой бодрости, которое можно принять за счастье. Неужели Джадкин-посыльный сумел обрести, бродя по стезям жизни, нечто такое, что я проглядел в бесконечных скитаниях по дальним странам? Неужели в его упрямстве мудрости больше, чем в сумасшествии мудрых?» (Saki 1987, 63) Ср. у Гоголя: «<…> он служил с любовью. Там, в этом переписыванье, ему виделся какой-то свой разнообразный и приятный мир. <…> Написавшись всласть, он ложился спать, улыбаясь заранее при мысли о завтрашнем дне: что-то бог пошлет переписывать завтра? Так протекала мирная жизнь человека, который с

четырьмястами жалованья умел быть довольным своим жребием <…>» (Гоголь 1995, 90).

И, однако же, главным образом внимание Саки по-прежнему привлекает абсурдный мещанский мир. В 1922 году Ивлин Во писал по поводу его рассказов: «<…> эти истории частенько отдают фантазией, мимолетной шуткой, неоправданно растянутой, или драматическим сюжетом, неоправданно ужатым; однако порой взятый им сюжет идеально соответствует взятой пропорции – и тогда-то и выходит шедевр» (Waugh 1977, 81). К числу таких «шедевров», на наш взгляд, относится и «Кровная вражда в Тоуд-Уотер» – образец нового курса, избранного Саки-юмористом.

3 Сходство между текстами

Между «Повестью…» Гоголя и рассказом Саки есть множество очевидных параллелей. Прежде всего – это сама по себе коллизия «смертной вражды», разразившейся по вздорной причине. Недаром Саки дает этой ситуации ироничное определение «захолустная драма» (“wayside drama”) (Saki 1987, 58), а Гоголь в финале «Повести…» подводит знаменитый итог: «Скучно на этом свете, господа!» (Гоголь 2013, 151). Совпадают и многие детали. Дома́ персонажей в обоих случаях находятся рядом друг с другом, забор в забор,[14] что влечет всевозможные коллизии. Причиной разлада становятся животные – причем в обоих случаях птицы (курица – у Саки, «гусак» – у Гоголя), а также прожорливость и порча имущества (курица у Саки покушается на луковую рассаду; свинья, забредшая в дом Ивана Никифоровича, стягивает со стола и съедает прошение). В обоих рассказах повздорившие соседи вымещают злобу на безвинных (утопленные котята у Саки, избитые собаки и дворовые дети у Гоголя). Примирение происходит в контексте трапезы, которая должна послужить катализатором для прощения (званый обед – у Гоголя, приходское чаепитие – у Саки; подробнее об этом речь пойдет ниже); символы примирения нарочито предметны: у Гоголя это понюшка табаку, у Саки – «девятая уже чашка чаю» (Saki 1987, 59). Причиной новой ссоры в обоих случаях становятся «некстати оброненные слова»: у Гоголя – повторное упоминание гусака, у Саки – «намек относительно позднего созревания огородных культур» (“backwardness of garden crops”) (Saki 1987, 59).[15]

14 Ср.: «Двор Ивана Никифоровича <…> был возле двора Ивана Ивановича и можно было перелезть из одного в другой через плетень <…>» (Гоголь 2013, 118).

15 Впрочем, текст Саки, как минимум в силу своего объема и жанра («набросок» или короткий рассказ), существенно емче гоголевской повести. В нем отсутствуют многие линии, фигурирующие в последней: закадычная дружба враждующих персонажей (миссис Сандерс

Важную роль у обоих писателей играет образ огня, служащий символом внезапного и неугасимого раздора: «<…> вспыхнул огонь <…> вражды – вспыхнул из-за пустяка, без веских на то причин, как подобные конфликты обычно и разгораются» (Saki 1987, 57); «<…> если бы особенное происшествие в доме Ивана Никифоровича <…> не подлило масла в готовый погаснуть огонь вражды» (Гоголь 2013, 125). Этот огонь «переходит» на персонажей: «Иван Иванович весь вспыхнул» (Гоголь 2013, 126), а также возвращается в минуту неудачного примирения: «<…> давнишняя вражда была готова *погаснуть*» (Гоголь 2013, 152): «<…> угасшая было междоусобица вырвалась из-под золы и разгорелась с прежней силой» (Saki 1987, 59).

Схож и описываемый обоими авторами пейзаж. Земли вокруг Тоуд-Уотера напоминают Миргород – но не из начала, а из конца «Повести…» – и несут в себе интенцию скуки: это местность, где есть «только поля, рощицы, амбары, тропинки да пустоши», где «на многие мили вокруг <…> не видно было ни соседского жилища, ни дыма, поднимавшегося из трубы, ни даже погоста – ничего, что *утешало бы взор* или давало возможность пообщаться с себе подобными» (Saki 1987, 56–7). (Погост, «утешающий взор» (“cheerful communion” – букв.: «[составляющий] веселое общество»), – заведомо парадоксальный образ, характерный для поэтики Саки.) Местность, изображаемая английским писателем, напоминает образ «нового» Миргорода, с его «грустно-сырою погодою, грязью и туманом», зеленью, покрывающей «поля и нивы, которым она пристала, как шалости – старику, розы – старухе», с «полем, местами черным, изрытым, местами зеленеющим» (Гоголь 2013, 151). Наконец, само название Toad Water («Жабий Водоем», «Жабий Пруд») перекликается с лужей посреди Миргорода – одним из самых известных и «читаемых» образов гоголевского текста.

Помимо мотива неподвижности, затхлости (жабы чаще селятся у стоячей, нежели у проточной воды), а следовательно, застоя и скуки, название усадьбы, возможно, несет в себе и другой подтекст. Упоминание жабы/лягушки в контексте вражды может являться отсылкой к старейшему комическому эпосу – поэме «Батрахомиомахия» («Война мышей и лягушек»), написанной в подражание «Илиаде» Гомера. (Ср. сопоставление Гоголя и Гомера, в статье К. С. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя “Похождения Чичикова, или Мертвые души”» [1842] и подхваченное, в том числе некритически, многими потомками.).

и миссис Крик изначально чужды друг другу); тема обмена, сутяжничества и в целом попытки добиться возмещения финансового урона; отсутствуют и второстепенные персонажи (если не считать в пылу ссоры родственных с обеих сторон, а также безглагольного священника).

Саки намеренно придает своему сочинению черты «захолустного» эпоса (что подчеркивается его подзаголовком). Яркий пример – описание действий курицы, забредающий на чужой двор: “scratched and scraped and beaked and delved” – «[принялась] скрести, и клевать, и рыть, и копаться» (Saki 1987, 57). Ритмически оформленная цепочка однородных членов, соединенных союзом «и», призвана создать ощущение эпичности повествования. В тексте встречаются и многочисленные аллитерации – прием, характерный для древнеанглийского или древнегерманского эпоса (ср., напр., поэму «Беовульф»): упомянутое выше “scratched and scraped”, “blots and blemishes” («темные пятна и отметины»), “sunlight slanted” («косые лучи солнца»), “permeating and permanent” («крепнущая и неизбывная [вражда]»). Еще одна особенность текста – парафрастические метафоры, также характерные для эпической поэтики (ср. в «Беовульфе»: море – «дорога китов», корабль – «дерево волн» и т. д.). Птица, забредшая на соседний двор, именуется “Vasco da Gama fowl” (Saki 1987, 58) – «Васко да Гама [от мира] птиц»; комья земли, которые швыряет в нее миссис Сондерс, – “earth-bolts” (Saki 1987, 59), то есть «земляные [арбалетные] стрелы» или же «земляные молнии/перуны» (отметим, что молния – один из древнейших символов возмездия).

Многие темы, развиваемые Гоголем, были близки Саки еще в период создания им первого сборника. И, безусловно, важнейшая из них – критика христианского лицемерия, фарисейства и мнимой набожности. Носителями таковых в «Повести…» выступают многие персонажи, но прежде всего – Иван Иванович, «образец кротости, который ни одну нищую не пропускал» (Гоголь 2013, 149), тот, о ком «протопоп отец Петр <…> всегда говорит, что он никого не знает, кто бы так исполнял долг христианский» (Гоголь 2013, 113). Ср. притом сцену «теплохладного» разговора с нищенкой: «Ну, ступай же с Богом! <…> Чего ж ты стоишь? ведь я тебя не бью!» (Гоголь 2013, 114), а также вспыльчивый характер персонажа, его чревоугодие, склонность к сутяжничеству и неспособность к прощению ближнего своего.

Для Гоголя в «Повести…» крайне важна нехристианская природа конфликта, идущая вразрез с библейскими заповедями.[16] Герои продолжают враждовать, не оставляя мыслей о мести, даже в церкви (именно там встречает рассказчик Ивана Ивановича, где он все размышляет о тяжбе и ее благоприятном исходе): «Уведомить ли вас о приятной новости? <…> Завтра непременно решится мое дело. Палата сказала наверное» (Гоголь 2013, 151). Кстати, здесь же вновь возникает образ огня, несущий в рассказе коннотацию враждебности: «В это время лампада *вспыхнула* живее пред иконою, и свет прямо ударился в лицо моего соседа» (Гоголь 2013, 154).

16 См., напр.: Денисов (2013, 489–90).

В рассказе Саки критика лицемерия и извращенной христианской морали также выступает на первый план. Писатель иронично «оправдывает» раздор между персонажами, ссылаясь на библейскую традицию (имея в виду, очевидно, историю Каина и Авеля): «Да и что удивительного во взаимной неприязни земледельца и животновода? О ней упоминается уже в четвертой главе Книги Бытия» (Saki 1987, 57).

Нехристианское сознание двух повздоривших персонажей подчеркивается как на лексическом, так и на поведенческом уровне. Хозяйка огорода миссис Сондерс, увидев, как курица клюет луковые посевы, взывает к «Великой Матери» (“Great Mother”) – женскому божеству, языческому олицетворению родящей земли (Saki 1987, 57). Будучи нонкомформисткой, она бранится на происшедшее, подбирая лишь «пристойный жаргон» (“portions of the slang dictionary as are permitted by the Nonconformist conscience” [Saki 1987, 58]), – но при этом кидает в курицу комья земли, а в ответ на «выражения, не подобающие христианке», начинает «перечислять темные пятна и отметины на семейной истории соседки» (Saki 1987, 58). Англиканка миссис Крик отвечает ей тем же, не стесняясь бранных слов и также не проявляя христианского милосердия.

Бессильны примирить персонажей не только христианские заповеди, но и «святая» церковная земля. У Гоголя финальная встреча рассказчика с Иваном Никифоровичем происходит, напомним, именно в церкви; этот эпизод сопровождается описанием дождя (традиционный образ скорбящего Неба): «<…> притворы были печальны; продолговатые окна с круглыми стеклами обливались дождливыми слезами» (Гоголь 2013, 150), – а также вспыхивающего вновь пламени (см. выше). У Саки повздорившие соседки встречаются на церковном дворе, на «благодатном чаепитии» (Revival Tea) – традиции, существующей и поныне в ряде нонконформистских общин. Такие собрания проводились, как правило, после воскресных служб и носили характер совместной трапезы. Барочно-пышное описание чаепития, духовная лексика («врачующее воздействие веры», «одухотворенное бдение») указывают на то, что подобные встречи представлялись писателю подменой таинства Евхаристии, где «солидного размера булочки» замещают собой Тело, «заваренные кипятком чайные листья» – Кровь, а «подателем благ» выступает не Господь, но хлебосольный священник (см.: Saki 1987, 59).

Важна, на наш взгляд, и полисемия образа “ghostly counsel”, который сопутствует чаепитию. Здесь возможна игра слов: с одной стороны, – это «духовные наставления», которые священник дает прихожанам перед тем, как они приступят к таинству Евхаристии; с другой же, это «незримый советчик» – перифрастическое именование лукавого духа, встречающееся в английском катехизисе и звучащее в тексте литургии в англиканских

церквах (с вариантом “ghostly enemy” – «незримый враг»). При втором прочтении ирония Саки становится еще острей: получается, что лукавый дух «смягчается» или «утихомиривается» (tempered), то есть как бы на время «умасливается» посредством чая и сладкой выпечки – еще одна шпилька в сторону чересчур «светского» и потому лицемерного характера подобных собраний.

Схожа и быстротечность времени (с указанием на бренность всего сущего и на чудовищную нелепость подобной вражды), отраженная в обоих произведениях. Гоголь многократно упоминает о том, что с момента начала тяжбы минуло уже много лет: «Боже, как летит время! уже тогда прошло более десяти лет, как он овдовел» (Гоголь 2013, 117); «Я двенадцать лет не видал Миргорода. Здесь жили тогда в трогательной дружбе два единственные человека, два единственные друга. А сколько вымерло знаменитых людей! Судья Демьян Демьянович уже тогда был покойником; Иван Иванович, что с кривым глазом, тоже приказал долго жить» (Гоголь 2013, 150). Ср. финальный слова рассказа Саки:

> Миновали годы; некоторые из участников этой захолустной драмы ушли в небытие; новые луковые посадки дали всходы, покрасовались во всей своей пышности и сгинули бесследно; курица, возмутительница спокойствия, давно искупила свой проступок и легла со связанными ножками и выражением несказанного покоя на прилавок под сводчатой крышей рынка в Барнстейпле. А кровная вражда в Тоуд-Уотере жива и по сей день (Saki 1987, 59).

4 Выводы

Итак, в обоих произведениях прослеживается множество параллелей. Практически идентична коллизия произведений: ссора из ничего – долгая размолвка – попытка примирения, безуспешная из-за нелепой причины. Для обоих писателей важно нарушение христианских заповедей, но для Гоголя важно отсутствие христианской любви, для Саки – лицемерие и фарисейство. Архаизмы и историзмы создают ощущение старины, изолированности места действия и вечности вражды, а религиозные мотивы введены для сатирического контраста между выражаемой персонажами внешней приверженностью христианству и их реальным поведением, которое отнюдь не соответствует принципам их религии.

Таким образом, «Кровная вражда в Тоуд-Уотер» может быть рассмотрена не просто как иронический парафраз или оммаж русскому автору, но как своеобразное развитие гоголевский идей, применение их к изменившейся

жизненной ситуации (между публикацией повести и рассказа – без малого 70 лет) и демонстрация того, что ничто, в общем и целом, не меняется (идея, вполне соответствующая моральному пессимизму Саки). В то же время, критика «теплохладности», душевной глухоты, неумения прощать, подсвеченная гоголевским текстом, становится новым курсом писателя, которого он будет держаться в последующих сборниках. Русский текст, таким образом, оказывается, на наш взгляд, призмой, сквозь которую мы можем четче понять замысел автора и услышать несомненные (и на наш взгляд, отнюдь не типологические) гоголевские ноты, звучащие в творчестве Саки – остроумного и едкого, но неизменно печального и задумчивого английского гуманиста.

Research funding: Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051-П, https://rscf.ru/project/22-18-00051/. The research was carried out at IWL RAS at the expense of a grant from the Russian Science Foundation no. 22-18-00051-P, https://rscf.ru/project/22-18-00051/.

Список литературы и источников

Beasley, R. 2020. *Russomania: Russian Culture and the Creation of British Modernism, 1881–1922*. Oxford: Oxford University Press.

Byrne, S. 2007. *The Unbearable Saki: The Work of H. H. Munro*. New York: Oxford University Press.

Dold, B. E. 1972. *Edwardian Fall-Out: The Ironic School*. Messina: Peloritana.

Gibson, B. 2014. *Reading Saki: The Fiction of H. H. Munro*. Jefferson, NC: McFarland.

Gogol, N. V. 1886. *St. John's Eve" and Other Stories.* Translated by I. F. Hapgood. New York: Thomas Y. Crowell & Co.

Irving, W. 1871. *The Alhambra*. Philadelphia: J. P. Lippincott & Co.

Magill, F. N. 1981. *Critical Survey of Short Fiction*. In *7 vols*, Vol. 2. Englewood Cliffs, NJ: Salem Press.

Malia, M. 1999. *Russia Under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum*. Cambridge, MA; London: Belknap Press.

Munro, H. H. (Saki). 1924. *The Square Egg and Other Sketches: With Three Plays and Illustrations, with a Biography by His Sister*. London: John Lane the Bodley Head.

Noble, E. 1885. *The Russian Revolt: Its Causes, Condition, and Prospects*. Boston: Houghton, Mifflin & Co.

Otto, Don Henry. 1969. *The Development of Method and Meaning in the Fiction of Saki*. Los Angeles: University of Southern California.

Rushdoony, R. J. 2020. *Salvation & Godly Rule*. Vallecito, CA: Chalcedon/Ross House Books.

Saki. 1987. *Complete Works*. London: The Bodley Head.

Saki. 1994. *Short Stories and "The Unbearable Bassington".* Edited by J. Carey. Oxford: Oxford University Press.

Spears, G. J. 1963. *The Satiric Art of Hector H. Munro ("Saki")*. Albany: University of Ottawa.

Stepniak, S. 1895. *The Humour of Russia*. Translated by E. L. Voynich. London: Walter Scott.

Waugh, E. 1977 In *A Little Order: A Selection from His Journalism*, edited by D. Gallagher. London: Eyre Methuen.

West, R. 1915. “Barbarians.” *New Republic*: 19–21.
Wolkonsky, S. 1898. *Pictures of Russian History and Russian Literature*. Boston; New York: Lamson, Wolffe & Co.; London: Kegan Paul, Trench, Trübner & Co.
Велигорский, Г. А. 2020. “Варварская страна или полицейское царство: Негативный образ России в детской литературе Великобритании кон. XIX – нач. XX в.” *Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова* 4: 155–60.
Гоголь, Н. В. 1995. *Петербургские повести*. СПб.: Наука.
Гоголь, Н. В. 2013. *Миргород*. СПб.: Наука.
Денисов, В. Д. 2013. “Примечания.” In *Миргород*, 412–540. СПб.: Наука.
Пирлинг, П. 1892. *Россия и Восток: Царское бракосочетание в Ватикане, Иван III и София Палеолог*. СПб.: Издание А. С. Суворина.
Учаева, Е. М. 2011. “Повесть Н. В. Гоголя «Шинель» в англоязычном восприятии: проблема эквивалентности перевода художественного произведения.” *Известия Саратовского университета* 11 (1): 53–63.
Шакарикова, А. А. 2020. “Особенности переводческого метода И. Хапгуд (на материале переводов повестей Н. В. Гоголя на английский язык).” In *Сборник статей IX Международной конференции молодых ученых, посвященной 90-летнему юбилею кафедры иностранных языков, ред. Ж. А. Храмушкина*, 254–9. Екатеринбург: Издательство УМЦ-УПИ.
Шолохова, А. С. 2023. “Повесть Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» в английском пространстве.” *Литературный факт* 30 (4): 238–52.

References

Beasley, R. 2020. *Russomania: Russian Culture and the Creation of British Modernism, 1881–1922*. Oxford: Oxford University Press.
Byrne, S. 2007. *The Unbearable Saki: The Work of H. H. Munro*. New York: Oxford University Press.
Denisov, V. D. 2013. ““Primechaniya” [Notes].” In *Mirgorod*, 412–540. Saint Petersburg: Nauka.
Dold, B. E. 1972. *Edwardian Fall-out: The Ironic School*. Messina: Peloritana.
Gibson, B. 2014. *Reading Saki: The Fiction of H. H. Munro*. Jefferson, NC: McFarland.
Gogol, N. V. 1886. *“St. John’s Eve” and Other Stories*. Translated by I. F. Hapgood. New York: Thomas Y. Crowell & Co.
Gogol, N. V. 1995. *Peterburgskie povesti* [Petersburg Tales]. Saint Petersburg: Nauka.
Gogol, N. V. 2013. *Mirgorod*. Saint Petersburg: Nauka.
Irving, W. 1871. *The Alhambra*. Philadelphia: J. P. Lippincott & Co.
Magill, F. N. 1981. *Critical Survey of Short Fiction*. In *7 vols*, Vol. 2. Englewood Cliffs, NJ: Salem Press.
Malia, M. 1999. *Russia Under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum*. Cambridge, MA; London: Belknap Press.
Munro, H. H. (Saki). 1924. *The Square Egg and Other Sketches: With Three Plays and Illustrations, with a Biography by His Sister*. London: John Lane the Bodley Head.
Noble, E. 1885. *The Russian Revolt: Its Causes, Condition, and Prospects*. Boston: Houghton, Mifflin & Co.
Otto, D. H. 1969. *The Development of Method and Meaning in the Fiction of Saki*. Los Angeles: University of Southern California.
Pierling, P. 1892. *Rossiya i Vostok: Tsarskoe brakosochetanie v Vatikane, Ivan III i Sofiya Paleolog* [*Russia and the East: The Tsar’s Wedding in the Vatican, Ivan III and Sophia Palaiologina*]. Saint Petersburg: Izdanie A.S. Suvorina.
Rushdoony, R. J. 2020. *Salvation & Godly Rule*. Vallecito, CA: Chalcedon/Ross House Books.
Saki. 1987. *Complete Works*. London: The Bodley Head.

Saki. 1994. *Short Stories and "The Unbearable Bassington"*. Edited by J. Carey. Oxford: Oxford University Press.

Shakarikova, A. A. 2020. "Isabel Hapgood's Method for Translation (Case of Nikolai Gogol's Stories)." In *Sbornik statey IX Mezhdunarodnoy konferentsii molodykh uchenykh, posvyashchennoy 90-letnemu yubileyu kafedry inostrannykh yazykov* [*Collection of Articles from the IX International Conference of Young Scientists Dedicated to the 90th Anniversary of the Department of Foreign Languages*], edited by Zh.A. Hramushkina, 254–9. Ekaterinburg: UPI Educational and Methodological Center Press.

Sholokhova, A. S. 2023. ""Taras Bulba" by N. V. Gogol in the English Context." *Literaturnyi fakt* 4 (30): 238–52.

Spears, G. J. 1963. *The Satiric Art of Hector H. Munro ("Saki")*. Albany: University of Ottawa.

Stepniak, S. 1895. *The Humour of Russia. Translated by E. L. Voynich*. London: Walter Scott.

Uchaeva, Y. M. 2011. "N. V. Gogol's Novel "The Overcoat" in the English-language Perception: The Issue of the Literary Work Translation Equivalence." *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism.* 11 (1): 54–63.

Veligorsky, G. A. 2020. "A Barbaric Country or a Police Kingdom: A Negative Image of Russia in the Children's Literature of Great Britain of the Late 19th – the Early 20th Century." *Vestnik of Kostroma State University* 4: 155–60.

Waugh, E. 1977. *A Little Order: A Selection from His Journalism*, Edited by D. Gallagher. London: Eyre Methuen.

West, R. 1915. "Barbarians." *New Republic*: 19–21.

Wolkonsky, S. 1898. *Pictures of Russian History and Russian Literature*. Boston; New York: Lamson, Wolffe & Co.; London: Kegan Paul, Trench, Trübner & Co.